

УДК 82-1/-9

DOI 10.52452/2658-7475-2025-4-28-49-64

**С.Н. ДУРЫЛИН ОБ «ЭМИГРАЦИИ»
А.С. ПУШКИНА¹**

© 2025

И.В. Мотеюнайте

Мотеюнайте Илона Витаутасовна, SPIN-код: 9315-0532; ORCID ID: 0000-0001-6117-4555, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета; пл. Ленина, д.2, г. Псков, 180000. Россия; ilona_motya@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 28.08.2025

Статья принята к публикации: 27.11.2025

В статье рассматривается освещение пушкинской темы С.Н. Дурылиным в середине 1930-х гг. на материале его публикации «Замышленный побег. Из забытых свидетельств о Пушкине» в рижской русскоязычной «Газете для всех» (№ 29 за 2 августа 1936 г.). Академическая ценность этой газетной статьи заключается в том, что в ней вводится новое имя (Ф.П. Фонтон) в круг знакомых А.С. Пушкина, а также уточняется важный факт биографии поэта: Дурылин приводит письмо Фонтонина П.И. Кривцову, доказывающее, что поехать на Закавказский фронт в армию И.Ф. Паскевича Пушкин задумал уже в марте 1828 г., т.е. за месяц до прошения государю об отправке в армию и практически за год до своей самовольной поездки в Арзрум. Основываясь на переписке Дурылина с Е.В. Гениевой, можно сделать вывод о том, что замысел работы о письме Ф.П. Фонтонина относится к весне 1931 г., когда Дурылин жил на поселении в Киржаче после ссылки в Томск. Это можно считать косвенным свидетельством того, что, кроме научного, эта статья имеет значение личного документа – в ней появляется автопсихологический подтекст, а использование имени / биографии Пушкина позволяет выразить собственное состояние автора в условиях невозможности его прямой транс-

¹ Работа выполнена в Псковском государственном университете при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 24-28-01648 «Пушкинский миф в условиях цифровизации культуры», <https://rscf.ru/project/24-28-01648/>).

ляции. Тогда становятся понятными и развернутость первой части статьи, описывающей страдания Пушкина в императорской России, и введенная в текст тема Кавказа, с акцентом на романтическое осмысление этого образа в русской литературе как места свободы, а также факт републикации в газете русской эмиграции. Все это позволяет включить статью Дурылина в контекст темы «эмиграции» Пушкина.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, биография А.С. Пушкина, литература эмиграции.

История замысла

Самым известным исследованием С.Н. Дурылина о Пушкине стала его книга «Пушкин на сцене», изданная в 1951 г. Академией наук в научно-популярной серии. Однако еще в конце ноября 1927 г. он сообщал из Томска Е.В. Гениевой: «Секрет от всех: я уже начал давно замышленную (6 лет назад!) статью о Пушкине, где, кажется, будет что-то новое не всеми уловленное» [«Я никому не пишу так, как Вам...» 2010, с. 122]², а весной 1931 г. уже из Киржача, где он был на поселении после Томской ссылки, снова заметил: «Еще пытаюсь устраивать книжку “Забытые свидетельства о Пушкине”. Это мелочи, но есть и кое-что любопытное» [«Я никому не пишу так, как Вам...» 2010, с. 400]. Издание книги не состоялась ни в 1927 г., ни в 1931, но в дальнейшем упомянутые материалы использовались в разных публикациях. Одна из них – статья «Замышленный побег», подзаголовок которой («Из забытых свидетельств о Пушкине») отсылает именно к этому замыслу. Она вышла в апрельском номере 1936 г. еженедельника «Огонек», а затем была перепечатана в 29 выпуске латвийской «Газеты для всех» за 2 августа 1936 г.

Причины публикации

Внимание по обе стороны границы к давнему замыслу Дурылина о «мелочах» пушкиноведческих исследований объясняется предъюбилейностью 1936 г. Размах чествования Пушкина в СССР в год столетия его гибели [Александров 1937] отразил стремление власти «присвоить» его имя советской идеологией («Пушкин в это время был “приспособлен” к “нуждам” новой государственной системы» [Загидулина 2001, с. 118]), что в большой степени удалось благодаря торжествам 1937 г., когда в массовом сознании утвердилось восприятие

² При цитировании писем, работ С.Н. Дурылина сохраняются авторская орфография и пунктуация.

поэта как общенационального достояния. Реакция эмиграции была симметричной: «С начала 1937 г. в эмигрантской прессе помещается информация о подготовке к юбилею, печатается программа торжеств, сообщается о проведении “Дней русской культуры” в Германии, Франции, Чехии, Швеции, Англии, Китае, США и других странах. В варшавских газетах появляются сообщения о готовящемся издании полного собрания сочинений поэта. Такие масштабные мероприятия подготовили эмиграцию к достойному чествованию этой даты» [Розинская 2019, с. 27]. Пушкин в очередной раз стал знаменем разных лагерей. В этом процессе «присвоения» Пушкина история публикации заметки Дурылина показательна, так как иллюстрирует продуктивность пушкинского мифа как для СССР, так и для русской эмиграции.

Биографический контекст

Середина 1930-х гг. для Дурылина стала биографическим рубежом. С конца 1936 г. (после двух ссылок – в Челябинск и Томск – и поселения в Киржаче) он обосновался в своем доме в Болшево и встраивался в новую для него социальную реальность: становился успешным историком русской литературы и театра и востребованным популяризатором. В 1949 г. он награждается орденом Трудового Красного Знамени с формулировкой «за выдающиеся заслуги в развитии русского театрального искусства» в связи со 125-летием со дня основания Государственного ордена Ленина Академического Малого театра. Однако в первые пореволюционные десятилетия он был ссыльным священником и исследователем, сотрудничавшим с разными институциями и дававшим частные уроки.

У нас есть два источника, в которых выразились его личные настроения до середины 1930-х гг. Его психологическое состояние и очевидное отторжение от устанавливающегося в стране режима отражено в дневниковой книге «В своем углу», не предназначенной для публикации и обращенной к очень узкому кругу близких друзей. Последние записи в ней сделаны на поселении в Киржаче в 1932 г. [Дурылин С. Н. 2006]; отдельная же тетрадь 1939 г. почти полностью посвящена его близкому другу – художнику М.В. Нестерову, биографию которого написал Дурылин для серии ЖЗЛ. Другим источником, раскрывающим его состояние в 1920-е гг., можно считать переписку с Е.В. Гениевой в период с 1925 по 1933 гг. Оба адресата, оберегая

друг друга, стараются ограничить круг тем и иносказательно предупреждают о перлюстрации писем: «Стиль писем должен быть строгий и точный: я очень строг к чистоте эпистолярного стиля. Это требование ко всем, кто будет писать ко мне» [«Я никому не пишу так, как Вам...» 2010, с. 121], – предупреждает адресата Дурылин осенью 1927 г. Разумеется, никаких актуальных политических тем корреспонденты не касаются, но за просьбами о книгах, рассказами о болезнях и безработице легко прочитывается не только общая неустрашенность, но и отбирающая силы вынужденная творческая немота: Дурылин был склонен к художественному творчеству, но отлично понимал неуместность своих эстетических и религиозных пристрастий в новом мире.

Его историко-литературные изыскания были возможным способом адаптации личных интересов к социальному запросу. Возможно, случайно, но с исторической дистанции кажется симптоматичным, что именно пушкинская тема – не самая любимая ученым – на границе двух разных периодов его биографии позволила ему осуществить этот сложный переход. Наряду с напечатанной в январском номере «Красной Нови» за 1937 г. статьей «Чтецы Пушкина», положившей начало книге «Пушкин на сцене», «Замысленный побег» показывает найденный Дурылиным способ обращаться к широкой аудитории. Он стал востребованным автором-просветителем, доносившим до читателя обширные историко-литературные сведения, вставляя в текст необходимые формулы идеологического дискурса и объединяя привлекательные для разных групп темы [Мотелюнайте 2020, с. 136–139].

Академическая ценность публикации

В тематическом и смысловом отношении статья «Замысленный побег» делится на две части: первая посвящена описанию «безотрадного» [Дурылин 1936а; Дурылин 1936б] состояния поэта в 1828 г., показанного на материале его творчества, эпистолярия и мемуаристики. Она кажется излишне пространным введением ко второй части статьи, касающейся собственно биографии Пушкина. В этой подтеме выделяются два момента. Прежде всего, Дурылин вводит новое имя в круг знакомых поэта второй половины 1820-х гг. Это Феликс Петрович Фонтон, потомственный русский дипломат, в 1820 г. поступивший в ведомство Государственной коллегии иностранных дел и в течение сорока лет занимавший разные должности в Турции, Берлине,

Вене и Ольденбурге. После увольнения со службы Фонтон издал в Лейпциге в 1862 г. двухтомные «Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма». Среди них есть письмо Фонтонна к Павлу Ивановичу Кривцову от марта 1828 г., которое и позволило Дурылину сделать вывод о знакомстве Фонтонна с Пушкиным, видимо, через Дельвига. В 1840 г. Фонтон издал в Париже на французском языке книгу «Россия в Малой Азии или кампания фельдмаршала Паскевича в 1828 и 1829 гг.», в которой есть примечание, комплиментарно описывающее участие Пушкина в сражении при Саган-Лу. Дурылин поместил в своей статье полный перевод этого примечания. Стремясь связать русского дипломата с Пушкиным, он цитирует его тексты, а также называет их общих знакомых: кроме Дельвига и Боратынского, это М.И. Глинка, В.Г. Тепляков и А.С. Хомяков.

Видимо, Дурылин был первым сообщившим городу и миру о Фонтонне как о знакомце Пушкина. В посвященной Фонтону словарной статье «Русского биографического словаря» А.А. Половцова, 21 том которого вышел в 1901 г., помещены сведения о его дипломатической карьере и сообщается только о лейпцигской книге «Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма» [Теплов 1901, с. 201]. Это немецкое издание было на русском языке и состояло из двух томов. В его библиографическом описании в РГБ сказано, что первый том состоит из 265 страниц, а второй – из 269. Дурылин же в своей статье цитирует «примечание к с. 429» в «объемистой» [Дурылин 1936а; Дурылин 1936б] парижской книге о кампании Паскевича, т.е. другое издание. Как эта книга попала к нему, остается неизвестным.

До 1936 г. фигура Фонтонна не привлекала внимания пушкинистов, однако в словаре Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» (1988) он уже упомянут, в статье названы обе книги Фонтонна и к тому, что изложено в статье Дурылина, Черейский добавляет гипотезу: «Можно предположить личное общение Пушкина с Ф. в Закавказье (лето 1829)» [Черейский 1988, с. 469].

Включением имени Фонтонна в круг знакомых Пушкина исследовательские цели публикации Дурылина не исчерпываются. Статья в целом описывает замысел Пушкина о поездке на войну, которую он осуществил в 1829 г. и описал в «Путешествии в Арзрум». Приведенное в статье письмо Фонтонна Кривцову дает основание предположить, что мысль сбежать из Петербурга именно на Кавказ, где стояла армия И.Ф. Паскевича (русские войска имели две ставки: на Дунае и

в Закавказье), родилась уже в марте 1828 г., т.е. за год до самовольной поездки Пушкина в Арзрум и еще до его апрельской просьбы к монарху «об определении его в турецкую армию» [Дурылин 1936а; Дурылин 1936б]. Этот биографический нюанс Дурылин развернуто аргументирует свободолюбием Пушкина и его угнетенностью царской властью. Напомним, что в 1920-е гг. «перед идеологами новой эпохи стояла проблема, которая условно может быть обозначена как выбор между двумя легендами: "Пушкин – друг самодержавия" и "Пушкин – жертва самодержавия". Наверное, отчасти стихийно, отчасти сознательно был избран второй вариант, который вскоре был уже официально узаконен» [Муравьева 1999, с. 127]. В своей статье Дурылин следует официальной версии образа поэта как жертвы самодержавия и активного борца с ним, хотя и приводит не политические, а возрастные, психологические аргументы.

Социальный подтекст публикации

Таким образом, научно-академическое значение статьи Дурылина – обогащение круга знакомых Пушкина новым человеком и введение нового штриха в биографию поэта. Но внутренний сюжет статьи другой – несостоявшаяся эмиграция Пушкина. Он объясняет и кажущуюся избыточной первую часть статьи о состоянии поэта, страдающего от притеснений царской власти, и развернутые упоминания Кавказа – образа, соединяющего в русле романтической эстетики войну, природу и независимость. Так в статье превозносится свободолюбие Пушкина, бывшее причиной его стремления уехать не только на войну, но и из России.

Именно этот посыл был воспринят эмигрантами. «Газета для всех», воскресная иллюстрированная газета, выходила в Риге с 1936 по 1940 гг.; по заключению Ю. Абызова, она во время правления Карлиса Улманиса пыталась конкурировать с самой известной рижской газетой «Сегодня» [Абызов 1997]. Редактором «Газеты для всех» был Ю.С. Ржевский, незадолго до этого приехавший из Праги. В ней печатались произведения зарубежных и балтийских писателей (Э. Вирза, Эд. Вульф, Т. Гарди, О. Генри, Я. Плудонис, Г. Дж. Уэллс, Я. Гашек и др.), однако большее место занимало творчество русских эмигрантов (К.Д. Бальмонт, И.А. Бунин, И.Н. Заволоко, Е.А. Зноско-Боровский, Л.Д. Любимов, С.К. Маковский, Ю.С. Ржевский, Б.А. Энгельгардт и др.). Кроме того, газета перепечатывала материалы из СССР, и с течением времени они занимали все больше места. Среди

авторов таких публикаций были Н.А. Адуев, А.Р. Беляев, А.А. Брусилов, В.В. Вересаев, В.Я. Голант, С.Д. Дрожжин, В.К. Звягинцева, М.М. Зощенко, Д.Б. Кедрин, В.И. Лебедев-Кумач, И.Г. Лежнев, Л.Н. Мартынов, И.А. Новиков, А.С. Новиков-Прибой, П.А. Павленко, акад. И.П. Павлов, Е. Петров (Е.П.Катаев), К.М. Симонов, А.Н. Толстой, К.И. Чуковский и др. Довольно частыми были и публикации из литературного наследия, посвященные как современникам, например: А. Белому, Н.С. Гумилёву, М. Горькому, Н.М. Минскому, – так и классикам. Выбор их имен показывает демократическую ориентацию издания: наряду с А.Ф. Мерзляковым, П.А. Вяземским, В.К. Кюхельбекером, М.Ю. Лермонтовым, а также уже ставшими классиками А.К. Толстым, Л.Н. Толстым, Н.А. Некрасовым, упоминались В.Г. Белинский, П.П. Ершов, А.В. Кольцов, И.С. Никитин, А.Н. Плещеев, А.Н. Апухтин и др. Среди них, конечно, был и Пушкин; репродукция его тропининского портрета украсила первую полосу одного из номеров газеты.

В ее 29-ом выпуске и была опубликована статья Дурылина, название которой «Замышленный побег» фокусирует внимание на неочевидном подтексте. Словом «побег» автор акцентирует в названии психологический аспект действия; его значение совмещает индивидуальную активность с темой заключения, вынужденного пребывания и частично пересекается со значением слова «эмиграция». Газета, в которой напечатана статья, обращена к эмигрантам, и Дурылин, по сути, через описание одного частного эпизода из биографии Пушкина солидаризируется с читателями газеты, отдавшими предпочтение свободе, как и Первый Поэт России.

Историко-литературная ценность публикации

Так текст Дурылина, посвященный Солнцу русской поэзии, объединяет несколько тем пушкинской биографии и характера, отзывается на разные читательские запросы. Академическая цель статьи сочетается с психологическими потребностями ее автора и публицистическими задачами редакторов изданий, живших по разные стороны границы. Пушкинская тема оказалась удобным для автора способом выразить собственные загнанные внутрь и не имеющие выхода мысли о происходящем вокруг. Впоследствии так делали многие писатели в СССР. С исторической же дистанции видно, что статья Дурылина «Замышленный побег. Из забытых свидетельств о Пушкине» встраивается в один из сюжетов пушкинской биографики. Он был начат в

1915–1916 г. статьей М.А. Цявловского «Тоска по чужбине у Пушкина» [Цявловский 1962] и актуализировался в романах Ю. Дружников, написанных в конце XX в. и дважды изданных в XXI в. [Дружников 2020].

Источники

Дружников 2020 – Дружников Ю. Узник России. (Я люблю Пушкина). М., 2020.

Дурылин 1936а – Дурылин С. Замышленный побег. Из забытых свидетельств о Пушкине // Огонек. 1936. № 17. С. 16–17.

Дурылин 1936б – Дурылин С. Замышленный побег. Из забытых свидетельств о Пушкине // Газета для всех. 1936. 2 августа. № 29.

Дурылин 2006 – Дурылин С.Н. В своем углу. М., 2006.

Литература

Абызов 1997 – Абызов Ю. 20 лет русской печати в независимой Латвии // Русские в Латвии. История и современность. Вып. 2. Рига, 1997. URL: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/rus-in-latvia-edition2/abizov-rus-latvii-2.html> (дата обращения: 20.08.2025).

Александров 1937 – Александров А. Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 3. М.; Л., 1937. С. 492–517.

Загидуллина 2001 – Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001.

Мотеюнайте 2020 – Мотеюнайте И.В. Сергей Николаевич Дурылин – исследователь русской литературы. М., 2020.

Муравьева 1999 – Муравьева О.С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1999. С. 113–133.

Розинская 2019 – Розинская О.В. Столетняя годовщина смерти А.С. Пушкина в межвоенной Польше // Stephanos. 2019. № 6(38). Ноябрь. С. 26-30. DOI 10.24249/2309-9917-2019-38-6-26-30.

Теплов 1901 – Теплов В. Фонтон, Феликс Петрович // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 21. Фабер – Цявловский. СПб., 1901. С. 201.

Цявловский 1962 – Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 131–156.

Черейский 1988 – Черейский Л. А. Пушкин и его окружение (словарь). Л., 1988.

«Я никому не пишу так, как Вам...» 2010 – «Я никому не пишу так, как Вам...»: Переписка С.Н. Дурылина и Е.В. Гениевой. М., 2010.

S.N. DURYLIN ABOUT THE “EMIGRATION” OF A.S. PUSHKIN³

I.V. Moteyunaite
Pskov State University

The article examines the coverage of Pushkin's theme by S.N. Durylin in the mid-1930s. based on the material of his publication “Planned Escape. From forgotten evidence about Pushkin” in the Riga Russian-language “Newspaper for Everyone” (No. 29 for August 2, 1936). The academic value of this newspaper article lies in the introduction of a new name (F.P. Fonton) among A.S. Pushkin’s acquaintances, as well as in clarifying the fact of the poet’s biography: Durylin cites a letter from Fonton to P.I. Krivtsov, proving that Pushkin already decided to go to the Transcaucasian Front in the army of I.F. Paskevich in March 1828, i.e. a month before he asked the sovereign to be sent to the army and almost a year before his unauthorized trip to Arzrum. Based on Durylin’s correspondence with E.V. Genieva, we can conclude that the idea of this work dates back to an earlier period than the publication of the article: to the spring of 1931, when Durylin lived in a settlement in Kirzhach after exile to Tomsk. This can be considered indirect evidence that, in addition to scientific significance, this article shows the possibility of using Pushkin’s name / biography to express the author’s own state in the conditions of the impossibility of its live broadcast. Then the extensive nature of the first part of the article, describing Pushkin’s suffering in Imperial Russia, becomes clear; as well as the theme of the Caucasus introduced into the text, with an emphasis on the romantic interpretation of this image in Russian literature as a place of freedom; as well as the fact of publication in a newspaper of Russian emigration. All this allows us to insert Durylin’s article into the context of the theme of Pushkin’s “emigration”.

Keywords: S.N. Durylin, biography of A.S. Pushkin, literature of emigration.

³The work was carried out at Pskov State University with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-01648 “Pushkin’s myth in the context of digitalization of culture”, <https://rscf.ru/project/24-28-01648/>).

ЗАМЫШЛЕННЫЙ ПОБЕГ
Из забытых свидетельств о Пушкине

*Давно, усталый раб,
Замыслил я побег*

Пушкин

1828 год в творчестве Пушкина отмечен безотрадными звуками: к этому году относятся и самоукорительное «Воспоминание», и тревожное «Предчувствие», и мучительный вопрос, заданный поэтом:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана.

Вопрос, на который у поэта нет ответа, а только горькое признание:

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

В прозаических признаниях Пушкина, в свидетельствах его друзей 1828 год не менее безотраден, чем в поэтических отражениях.

Даже на взгляд людей, не близких к поэту, было заметно, что Пушкину не по себе в царском Петербурге. «В 1828 году, – вспоминает Ксенофонт Полевой, – Пушкин был уже далеко не юноша... Он казался по наружности истощенным и увядшим, резкие морщины виднелись на его лице». Поэт подходил к жизненному перевалу. Кончая 6-ю главу «Онегина» (1826), он сделал признание:

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!

Но «прощание» это легче было осуществить в стихах, чем в жизни. «Раз как-то, – вспоминает К. Полевой, – я произнес стих его, говоря о нем самом:

Ужель мне точно тридцать лет?

Он тотчас возразил: "Нет, нет! У меня сказано: Ужель мне скоро тридцать лет? Я жду этого рокового термина, а теперь еще не прощаюсь с юностью". Надобно заметить, что до рокового термина оставалось несколько месяцев!»

Так было трудно Пушкину «проститься дружно» с покидавшей его юностью!

Но не одно расставание с нею тяготило Пушкина. Он должен был в это же время окончательно проститься с иллюзией своего мнимого освобождения, личного и писательского, которое, якобы, совершенно было в 1826 году рукою Николая I, вернувшего его из ссылки. Пушкин должен был убедиться, что его «свобода» (та самая, в которой пытался он слать уверения «Друзьям»: «Во мне почтил он (Николай I) вдохновенье, освободил он мысль мою» – не более, как «свобода» заложника. Часто встречавший Пушкина в эту пору Н.В. Путьята вспоминал: «Он легко знакомился, сближался, особенно с молодыми людьми, вел, по-видимому, самую рассеянную жизнь, танцевал на балах, волочился за женщинами, играл в карты, участвовал в пирах тогдашней молодежи, посещал разные слои общества. Среди всех светских развлечений он порою бывал мрачен; в нем было заметно какое-то грустное беспокойство, какое-то неравенство духа; казалось, о чем-то мнил, куда-то порывался. По многим признакам я мог убедиться, что покровительство и опека императора Николая Павловича тяготили его и душили».

Эта тягота и духота заволкли в глазах Пушкина и самый Петербург. Поэт не промолчал о своей тоске там, где этому менее всего было место: мадригал светской красавице, в которую он был влюблен, он начал проклятием столице:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

Пушкин «замыслил побег» от этой неволи, скуки и холода. Первая мысль была бежать в деревню, в Михайловское, в Тригорское.

24 января 1828 года он писал владелице Тригорского, П.А. Осиповой в ее деревенскую глушь: «Признаюсь вам, что это существование (в Петербурге – С.Д.) достаточно глупо и что я горю желанием так или иначе изменить его. Не знаю, приеду ли я еще в Михайловское. Однако это было моим желанием. Признаюсь, что петербургская суетня и шум стали мне совершенно невыносимыми, – переношу их с раздражением. Я предпочитаю ваш деревенский сад и берега Сороти».

Но бежать в Михайловское значило вернуться в незадолго перед тем оставленное место ссылки. Начавшаяся война с Турцией подсказала Пушкину другое, новое и более далекое место побега: театр войны. С этим планом друзья Пушкина связывали возрождение не только поэта, но и его поэзии. «Пушкин ведет жизнь самую рассеянную, – писал 18-го апреля 1828 года П.А. Вяземский А.И. Тургеневу, – и Петербург мог бы погубить его. Ратная жизнь переварит его и напитает его жизнь существенностью».

Война шла на двух театрах – европейском и азиатском. Куда же хотел отправиться поэт – на Дунай или в Закавказье?

В первых числах апреля 1828 года Пушкин обратился к Бенкендорфу, жандармскому посреднику в своих сношениях с Николаем I, с просьбой об «исходатайствовании милости об определении его в турецкую армию». Эта просьба была встречена Николаем I с крайним недоверием. Его брат, цесаревич Константин Павлович, живший в Варшаве, предупреждал брата через Бенкендорфа, что никак нельзя давать Пушкину «дозволения следовать за главной императорской квартирой», так как он «не принадлежит к числу тех, на кого можно было бы в чем-нибудь положиться». В другом письме цесаревич наталкивал шефа жандармов на причину, которая побуждала будто бы Пушкина проситься в «главную императорскую квартиру»: находясь среди действующей армии, Пушкин, де, рассчитывал «найти новое поприще для распространения своих безнравственных принципов, которые доставили бы ему в скором времени множество последователей среди молодых офицеров».

20 апреля Бенкендорф известил Пушкина об отказе Николая I на его просьбу под предлогом, что «все места в оной заняты», а на другой день Пушкин, томимый тоской по чужбине, в письме к Бенкендорфу, столь же тщетно просился в новый побег – в Париж!

Итак, как будто налицо все данные, что Пушкин в начале апреля 1828 года решил уехать на войну и именно на Дунай: слова «цесаре-

вича», что Пушкин просил «о дозволении следовать за главной императорской квартирой», решают вопрос – «главная квартира» была на европейском театре войны, на Дунае.

Забытый рассказ об одной встрече с Пушкиным в 1828 году свидетельствует, однако, что Пушкин «замыслил побег» на войну еще в марте того года и мечтал вырваться из Петербурга не на скучные дунайские равнины, а на любезный ему Кавказ.

Рассказ этот принадлежит Феликсу Петровичу Фонтону (род. 1801, ум. после 1862 года). Это был отпрыск небезызвестной в свое время семьи русских дипломатов, специалистов по делам Ближнего Востока. Его отец, Петр Фонтон (1765–1846), родом грек, находясь на службе при французском посольстве в Константинополе, перешел в 1798 году в русское подданство и сделан был драгоманом, а при Александре I – секретарем русского посольства при султани. Два его брата – родной Антон и двоюродный – Иосиф также служили по дипломатической части. Сам Феликс Фонтон проделал впоследствии удачную дипломатическую карьеру, занимая последовательно посты советника посольства в Берлине (1842 год), Вене (1846 г., где ему случилось с радушием принимать и оказать услугу М.И. Глинке) и посланников при короле Ганноверском (1855 год) и при германском союзе (1857 год).

В 1828 году Феликс Фонтон, начавший дипломатическую службу с 1820 года, был назначен состоять во время войны с Турцией при главной квартире действующей армии, где дипломатической канцелярией при генерал-фельдмаршале Витгенштейне правил его дядя, А.А. Фонтон. Всю войну 1828–1829 гг. Феликс Фонтон провел на Дунае и во Фракии, где одновременно с ним служили знакомцы Пушкина, поэты Тепляков и Хомяков. В марте 1828 года, уезжая на Дунай, Фонтон зашел проститься с бароном А.А. Дельвигом и встретился у него с Пушкиным и Боратынским. Об этой встрече Фонтон тогда же писал своему приятелю Павлу Ивановичу Кривцову, брату декабриста, служившему в посольстве в Риме: «Ходил я вчера проститься с Дельвигом, и кого ты думаешь я там застал? Александра Пушкина и Боратынского. Каков терцет? Три поэта, три друга, три вдохновения, ищущие в жизни решения вечной задачи борьбы внутреннего с внешним, а между тем три натуры во всем различные. Боратынский – плавная река, бегущая в стройном русле. Пушкин – быстрый, сильный, иногда свирепствующий поток, шумно падающий с высоты скал в

крутое ущелье. Дельвиг – ручеек, журчащий тихо через цветущие луга и под сенью тихих ив. Боратынского все читают, Пушкина все наизусть знают, и обоих можно узнать по их сочинениям. Но Дельвига нужно лично знать, чтобы понять его поэзию. Ты знаешь, как он перевел песню Беранже:

Однажды Зевс, восстав от сна,
Курил сигарку у окна.

Эти стихи описывают тебе всего Дельвига. Встав с постели, открыть окно и с сигарою во рту смотреть, через легкие облака кружащегося дыму, на тихие, меняющиеся картины природы. Вот весь Дельвиг, вот его поэзия.

Как я Пушкину сказал, что еду в армию, то у него та же мысль родилась, но ему нужна дикость Кавказа, и он, кажется, отправится к Паскевичу».

Рассказ Фонтана дает право думать, что он присутствовал если не при зарождении, то при окончательном оформлении у Пушкина мысли о побеге на войну. Замечание Фонтана, что Пушкину «нужна дикость Кавказа», оправдалось ровно через год: 9 марта 1829 года Пушкин выехал в Москву с подорожной до Тифлиса: без всяких разрешений он устремился к «дикости Кавказа», в армию Паскевича, к своему приятелю генералу Н.Н. Раевскому. Вопреки уверениям Константина Павловича и согласно с наблюдением Фонтана, Пушкина ни в 1828, ни в 1829 году не влекло на Дунай: ехать туда – значило очутиться в «главной императорской квартире», а именно от этой «квартиры» Пушкин бежал и из Петербурга, надеясь подобно другому великому поэту – невольнику николаевской России:

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Не долгое время Пушкину, действительно, и казалось, что он «укрылся»: он не знал, что и на Кавказе – во время путешествия в Арзрум – «паша» не оставляет его своим тайным надзором «глаз» и «ушей».

Вернувшись с Кавказа в Петербург в ноябре 1829 года, Пушкин был встречен гневом Николая I за самовольное исчезновение из непосредственного поля зрения «императорской главной квартиры», и, теснимый теми же неволей, скукой, холодом, писал С.Д. Киселеву с худо скрытым отчаянием: «В Петербурге тоска, тоска!» (письмо от 15 ноября 1829 года). В 1840 году Ф.П. Фонтон выпустил в Париже на французском языке объемистую книгу «Россия в Малой Азии или кампания фельдмаршала Паскевича в 1828 и 1829 гг.». О ней мы читаем в «примечании к с. 429»:

«Стычка 14 июня 1829 года замечательна тем, что в ней участвовал Александр Пушкин, знаменитый русский поэт. Более чем кто-нибудь другой, он чувствовал поэзию этой войны в Азии и тот блеск, с которым ее вел Паскевич. Его рыцарская душа, возлюбившая славу России, которой он так мощно содействовал на другом театре, и, быть может, его отважный дух заставили его принять участие в подвигах русских. Он присоединился к Кавказской армии перед сражением при Саган-Лу, когда неприятель атаковал русскую передовую цепь, поэт впервые услышал шум войны. Охваченный столь новой для него поэзией войны, он покинул палатку, сел на коня и мгновенно очутился на аванпостах. Свидетель этого неудержимого порыва, генерал Раевский, опасаясь за жизнь своего друга, почти насильно удалил Пушкина с передовой цепи казаков, в тот момент, когда поэт, одушевленный смелостью новобранца, схватив пику одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Казаки с величайшим изумлением смотрели на незнакомого человека в круглой шляпе и бурке. Это был первый военный подвиг любимца муз на Кавказе. Он никогда больше не держал в своей руке оружия смерти, и ему никогда больше уже не приходилось испытывать свою храбрость, за исключением того ужасного случая, благодаря которому поэт увенчан был венцом слез и печали пятидесяти миллионов людей».

Этот рассказ Фонтонна об участии Пушкина в одном из сражений на Кавказе примечателен еще тем, что прибавляет **новое имя** к кругу петербургских знакомцев Пушкина в конце 1820-х годов. Судя по словам Фонтонна, что он «застал» Пушкина у Дельвига, а не познакомился с ним там, можно заключить, что Фонтон знал Пушкина и до этой встречи. Это тем вероятнее, что Фонтон был знакомцем Дельвига, у которого Пушкин часто бывал именно в зиму 1827–1828 гг.,

по свидетельству брата поэта Александра Дельвига, «почти всякий вечер». Что Фонтон был человек, имевший некоторое право на внимание таких людей, как Дельвиг и его друзья, свидетельствуют его не лишённые проницательности суждения о поэтах, при беседе которых он присутствовал. Он верно подметил различия в известности и влиятельности Пушкина и Боратынского: последнего все **читают**, а первого – все **знают наизусть**.

Пушкин был «солнцем русской поэзии», Боратынский – лишь одною из её крупных самоцветных звезд.

С. Дурылин.